

Виардо свидетельствуют, как внимательно и вдумчиво изучал он печатные фольклорные сборники⁶. Для Полины Виардо он готовил специальный трактат о русских народных играх, не доведенный, видимо, им до конца⁷. Для сборника С. Т. Аксакова он предполагал написать очерк о приметах, поверьях и суеверьях охотников⁸. Особенно часты упоминания о фольклоре в письмах к Аксаковым. Одно из этих писем, в котором он рассказывает о виденном им народном представлении, имеет прямое источниковедческое значение. Позволю себе привести это интереснейшее свидетельство целиком: «У меня на праздниках были маскарады: дворовые люди забавлялись, а фабричные с бумажной фабрики брата приехали за 15 верст и представили какую-то ими самими сочиненную разбойничью драму. Уморительнее этого ничего невозможно было вообразить; роль главного атамана исполнял один фабричный, а представителем закона и порядка был один молодой мужик; тут был и хор в роде древнего, и женщина, поющая в тереме, и убийства, и все, что хотите; язык представлял смешение народных песен, фраз à la Marlinsky и даже стихов из «Дмитрия Донского!» Я когда-нибудь опишу это подробнее. Впрочем, эту драму сочинили, как я потом узнал, не фабричные; ее занес какой-то прохожий солдат»⁹. Это обещание осталось, к сожалению, не выполненным.

Тургенев же первый — и надолго единственный в русской литературе — вывел в качестве героя одного из своих романов фольклориста. Таков Инсаров, прообразом которого послужил болгарский фольклорист и филолог Катранов. Тургенев подчеркивает общественный смысл и характер фольклористических интересов Инсарова; они как бы противопоставлены академическим штудиям Берсенева. Для Инсарова изучение народных песен лишь часть его патриотического дела, неразрывно связанная с борьбой и пропагандой. Как видно из его сравнения болгарских песен со знаменитыми сербскими песнями («Какие у нас песни! — говорит Инсаров Елене, — не хуже сербских!»), он изучал и переводил на русский язык главным образом болгарские исторические песни, т. е. песни о героической борьбе народа с турецкими захватчиками и насильниками. Он уверен, что Елена, ознакомившись с этими песнями, сумеет понять и полюбить болгарский народ. Тесную связь инсаровских изучений народной поэзии с общественными проблемами и текущей борьбой Тургенев подчеркнул, заставив Берсенева в разговоре с Инсаровым перейти непосредственно от песен к «современному положению страны» (Т., VI, 70).

В уста Шубина Тургенев вкладывает следующую характеристику Инсарова: «Он со своею землею связан — не то, что наши пустые сосуды, которые ластятся к народу: влейся, мол, в нас, живая вода!» (Т. VI, 74—75). Явная полемическая направленность этой характеристики наглядно выясняется при сопоставлении с ироническим замечанием о каких-то разглагольствованиях Аркадия («Отцы и дети») о народных мелодиях (Т. VI, 255) или с более ранним, совершенно издевательским, упоминанием о барине Любозвонове, в котором современники не без основания видели карикатурный портрет Константина Аксакова: «Здорово, —

⁶ Особенно характерно письмо к П. Виардо от 4 ноября 1852 г., в котором он приводит отрывок из песни об убитом юноше, которого оплакивают мать, сестра и жена, «Русская мысль», 1906, № 9, стр. 173; более исправно — «Вестник Европы», 1911, № 8, стр. 219: «Вы не поверите, сколько поэзии, свежести и нежности в этих песнях», — пишет он (там же).

⁷ «Русская мысль», 1906, № 9, стр. 170, 173. ✓

⁸ Письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковых к И. С. Тургеневу, с введением и примечаниями Л. Майкова, отдельный оттиск из «Русск. обозрения», 1894, стр. 49.

⁹ «Вестник Европы», 1894, № 1, стр. 339; в фольклористической литературе это упоминание только бегло отмечено в работе В. Ю. Крупянской: «Народная драма «Людка», ее генезис и литературная история» («Краткие сообщения Института этнографии», № 3, М. 1947, стр. 72). Возможно, что впечатления от этого спектакля нашли отражение в пятнадцатой и шестнадцатой главах «Призраков», см. П. Н. Берков, Русская народная драма, XVIII—XX веков, М., 1953, стр. 4.